

БЫВШИЕ

Как ты узнал о ребенке?

Лолита Ланская

Бывшие. Как ты узнал о ребенке?

«Автор»

2026

Ланская Л.

Бывшие. Как ты узнал о ребенке? / Л. Ланская — «Автор», 2026

Семь лет назад я ушла от Кирилла Волкова, уверенная, что он выбрал карьеру вместо нашей любви. А через несколько недель узнала, что беременна. Я написала ему: «Нам нужно поговорить», но в ответ получила холодное: «Я не вернусь». И промолчала. Теперь у меня есть шестилетний сын, собственная студия и жизнь, в которой бывшему нет места. По крайней мере, я так думала, пока Кирилл не появился на самой важной презентации моей карьеры. А потом в переговорную вошел Матвей. Кирилл посмотрел на него слишком внимательно, и страх вырвал из меня роковой вопрос:— Как ты узнал о ребенке?! Только он ничего не знал. Теперь нам придется делить не только прошлое, полное обид и ошибок, но и настоящее, в котором один мужчина хочет вернуть потерянные годы, один мальчик мечтает узнать отца, а я боюсь, что, впустив Кирилла обратно, снова доверю ему самое дорогое – свое сердце.

© Ланская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как ты узнал?	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Бывшие. Как ты узнал о ребенке?

Глава 1. Как ты узнал?

– Алина, только не говори, что ты собираешься сбежать через пожарный выход, – шепчет Ольга, заметив, куда я смотрю.

Через стеклянную стену переговорной прекрасно виден Кирилл Волков. Он сидит рядом с генеральным директором компании-заказчика, листает наш проект и чуть хмурится над схемой. Почти семь лет я видела его только на редких фотографиях, а сейчас узнаю каждое движение: пальцы на краю страницы, легкий наклон головы, напряжение плеч. Он стал старше и жестче, сменил рубашки с закатанными рукавами на дорогой костюм, но одно его присутствие возвращает меня в день, когда я сидела с тестом на беременность и не знала, как сказать ему правду.

Я прижимаю ладонь к животу, хотя тошнота не имеет никакого отношения к желудку. Семь лет назад Кирилл знал, какой чай я пью, когда нервничаю, с какой стороны кровати мне удобнее спать и почему я не выношу незакрытые дверцы шкафов. Теперь он сидит за стеклом среди чужих людей, а между нами существует мальчик, который утром спорил со мной из-за цвета носков. Кирилл не знает ни его имени, ни голоса, ни того, что Матвей смеется во сне.

Я годами убеждала себя, что тайна находится под контролем. Достаточно не искать встреч, не обсуждать прошлое и не думать о случайностях. Но судьба просто посадила Кирилла за стол, где через несколько минут мне предстоит говорить о семейном пространстве, безопасности и доверии.

– Почему ты не предупредила? – спрашиваю я, прижимая ноутбук к груди.

– В списке был К. А. Волков. Откуда мне было знать, что управляющий партнер «Волков Девелопмент» и тот самый мужчина, о котором ты говоришь раз в два года, – один человек? – Ольга берет меня за локоть и понижает голос. – Ты готовила эту презентацию три недели и не отдашь проект конкурентам только потому, что там сидит бывший.

– У нас с этим бывшим шестилетний сын, о котором он не знает.

Улыбка исчезает с ее лица, но она не отпускает меня.

– Матвей сейчас в школе, а Кирилл даже не подозревает, что ты стоишь за дверью. Первые полчаса это будет обычная деловая встреча. Войди туда как руководитель проекта, а с остальным разберемся потом.

Я не уверена, что у меня существует это «потом», однако открываю дверь. Денис Сафонов представляет меня коллегам, и только тогда Кирилл поднимает голову. Его пальцы замирают на папке. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, будто пытаемся совместить знакомые лица с людьми, которыми стали.

– Добрый день, – произношу я первой.

– Добрый день, Алина, – отвечает он ровно, но взгляд остается слишком внимательным.

Денис замечает напряжение и спрашивает, знакомы ли мы. Кирилл говорит, что знали друг друга раньше, не добавляя ничего личного. За эту сдержанность я почти благодарна ему.

Первые минуты презентации проходят словно в тумане, затем работа возвращает контроль. Я рассказываю о семейном центре, открытой игровой зоне, акустике и маршрутах посетителей. Кирилл задает несколько точных вопросов, и на секунду между нами возникает прежнее ощущение спора, где оба слышат больше, чем произнесено. Я тут же переключаю слайд и запрещаю себе вспоминать, как когда-то любила эти разговоры.

Остальная защита идет лучше, чем я ожидала. Я отвечаю на вопросы о смете, спорю с техническим директором и объясняю, почему глухая перегородка сделает кафе удобнее на бумаге, но бесполезнее для родителей. Несколько раз ловлю взгляд Кирилла. Он не пытается

смутить меня, не задает личных вопросов и слушает так же внимательно, как когда-то слушал мои первые проекты, только теперь в его лице нет прежней мягкости. Работа спасает: пока говорю о материалах и маршрутах, могу не думать о том, что в соседнем районе заканчиваются уроки у его сына.

Встреча затягивается. Телефон вибрирует под столом: мать одноклассника не сможет забрать Матвея, поэтому Ольга сама привезет его в студию. Я отвечаю одним требованием: ни при каких обстоятельствах не вести сына в переговорную.

Через сорок минут мы наконец заканчиваем обсуждение. Я уже закрываю ноутбук, когда дверь распаивается.

– Мам, смотри, какой самолет!

Матвей стоит на пороге с рюкзаком на одном плече и бумажным самолетиком в руке. За ним появляется Ольга с виноватым лицом. Сын радостно объясняет, как нужно загигать крылья, а я замечаю, что Кирилл медленно поднимается из-за стола.

Он смотрит на Матвея. Темные глаза, линия бровей, упрямый подбородок – сходство, которое я годами считала заметным только себе, сейчас невозможно не увидеть. Кирилл переводит взгляд на меня, потом снова на сына, и его челюсть напрягается.

Матвей тем временем здороваётся и серьёзно рассматривает схему. Денис шутит, что перед нами главный эксперт по детским зонам, а сын отвечает: эксперт должен сначала сам там побывать. Кто-то смеётся, но Кирилл остаётся неподвижным. Его взгляд проходит по лицу Матвея, по тому, как тот морщит нос, оценивая план. Я вижу это сходство каждый день и давно перестала замечать. Сейчас оно будто проявляется заново резкими линиями, и мне становится нечем дышать.

По тому, как застывает его взгляд, я решаю, что Кирилл уже знает правду.

Эта мысль заслоняет разум. Может быть, увидел фотографию, встретил старых знакомых или успел проверить мою жизнь. Кирилл делает шаг, и страх вырывает слова раньше, чем я успеваю остановиться.

– Как ты узнал о ребенке?!

В переговорной становится так тихо, что слышно гудение проектора. Матвей растерянно смотрит на меня, Ольга закрывает глаза, а на лице Кирилла появляется не злость и не торжество, а настоящее непонимание.

– О каком ребенке ты говоришь, Алина? – спрашивает он негромко.

Внутри словно что-то падает с огромной высоты. Он ничего не знал. До этой секунды – ничего.

– Мам, что случилось? – Матвей дергает меня за рукав.

Я опускаю ладонь ему на плечо и заставляю себя улыбнуться.

– Взрослые просто не сразу поняли друг друга, солнышко. Оля отведет тебя к себе, а я закончу разговор.

Кирилл уже смотрит на сына иначе, сопоставляя возраст и даты. Я вижу момент, когда все складывается: он бледнеет и хватается пальцами за край стола.

– Сколько ему лет?

– Шесть. В ноябре будет семь.

Он закрывает глаза и медленно выдыхает. Матвей замечает мои слезы, но я лгу, что устали глаза. Ольга уводит его, пообещав запрещенное шоколадное печенье. Перед дверью сын оборачивается к Кириллу и спрашивает, не мамин ли он начальник.

– Нет, – отвечает Кирилл, и его голос неожиданно смягчается. – Мы давно знакомы.

– Хорошо. Мама не любит, когда ей командуют. Она тогда сердится и быстро говорит.

– Я это помню, – тихо произносит Кирилл.

Денис быстро завершает встречу и выводит остальных. На экране остается последний слайд: «Пространство, где семье легко быть вместе». Сейчас фраза выглядит почти издевательски.

Кирилл закрывает дверь. Несколько секунд стоит ко мне спиной, проводит ладонью по лицу, потом поворачивается. В его глазах столько сдерживаемой боли, что мне хочется отступить.

– Скажи, что я неправильно понял. Что мальчик просто похож на меня, а твой вопрос означал что-то другое.

– Я не могу этого сказать.

– Тогда ответь прямо. Матвей – мой сын?

Я боялась этого вопроса во время беременности, после родов и на каждом дне рождения. Со временем страх превратился в тяжесть, с которой я научилась жить, но сейчас отступить некуда.

– Да, Кирилл. Матвей твой сын.

Он отворачивается и упирается ладонями в стол.

– У меня есть сын, которому почти семь лет, а я узнал об этом потому, что он случайно вошел в переговорную.

В его голосе нет крика, и от этого боль слышна еще сильнее. Мне хочется напомнить о нашей последней ссоре и сообщении: «Если опять о нас, то я уже все сказал. Я не вернусь». Но после его ответа прошло шесть лет, в течение которых я могла написать два простых слова.

– Я узнала о беременности через несколько недель после расставания, – говорю я. – Тогда же написала, что нам нужно поговорить.

– Я помню и помню свой ужасный ответ. Решил, что ты опять хочешь обсуждать нас. Но ты не написала, что беременна, не позвонила и не попыталась объяснить.

– После нашей ссоры мне казалось, что я уже услышала твой ответ насчет семьи. Мне было двадцать четыре, я сидела с тестом в руках и не понимала, что делать.

Кирилл резко поворачивается ко мне, и в его лице впервые проступает открытое отчаяние.

– Я был злым, гордым и вел себя как мерзавец, но не знал о ребенке. Ты не можешь говорить так, будто я сознательно отказался от сына. У меня не было возможности выбрать.

– Я объясняю, почему промолчала тогда.

– Тогда – возможно. А потом прошел месяц, год, шесть лет. Матвей родился, начал ходить, говорить, пошел в школу. Неужели ни разу не наступил момент, когда ты решила, что я имею право знать?

Я смотрю сквозь стекло на людей, которые спокойно идут по коридору с кофе. Обычный рабочий день продолжается, хотя моя жизнь уже разделилась на «до» и «после».

– Я думала об этом постоянно. Сначала ждала подходящего момента, потом стало стыдно признаваться, сколько времени прошло. Чем дальше, тем страшнее было начать.

– Если бы Матвей сегодня не вошел, ты снова бы отложила?

Мне нечем ответить. Кирилл понимает это без слов.

– Значит, опять решила бы за меня, что мне лучше ничего не знать.

– Не притворяйся, будто понимаешь, как я жила! Я растила ребенка, работала, боялась не справиться и убеждала себя, что так безопаснее.

– Безопаснее от меня? – В его голосе впервые прорывается отчаяние. – Мой сын находится за стеной, делает бумажные самолеты и знает, что его мама быстро говорит, когда сердится, а я несколько минут назад даже не знал его имени. Я пропустил первый шаг, первое слово и первый день в школе. Ты забрала у меня возможность хотя бы попытаться быть рядом.

Слова бьют точно, потому что спорить с ними невозможно.

– Я знаю, что поступила неправильно.

– Страх объясняет первые дни, но не шесть лет, – отвечает он уже тише. – Я не собираюсь устраивать сцену при ребенке, вызывать адвокатов или требовать, чтобы ты немедленно передала мне сына. Я вообще пока не понимаю, что делать. Но хочу знать все: когда он родился, чем болел, что любит, чего боится, кто еще знал и почему ты молчала. Не когда-нибудь. Сегодня.

– Матвей рядом. Я не позволю ему услышать этот разговор.

– Я тоже не хочу. Найдем место, где он не услышит, или дождемся, когда Ольга увезет его. Но разговор будет сегодня. Я уже потерял почти семь лет и не соглашусь потерять еще один день из-за твоего молчания.

В его лице нет угрозы. Только боль и решимость человека, у которого за несколько минут появилась целая неизвестная жизнь.

– Где он был все эти годы? – спрашивает Кирилл, и голос становится хриплым. – Кто держал его после рождения, кто пришел на первый день в школе, кто знает о нем кроме тебя?

– Моя мама, Ольга, друзья. Он не рос один, Кирилл.

– Я не спрашивал, был ли он любим. Это видно за пять минут. Я спрашиваю, почему среди всех людей, которые знали, не оказалось меня.

Ответа, способного уменьшить эту боль, у меня нет. Я могу перечислить страхи и обстоятельства, но ни одно из них не вернет ему годы.

– Хорошо, – отвечаю я. – Сегодня я расскажу все.

Кирилл долго смотрит, будто проверяет, не исчезну ли снова, а затем кивает.

– И больше никогда не решай за меня, что мне можно знать, чувствовать или выбирать. Цена одного такого решения уже оказалась слишком высокой.

Я столько лет боялась момента, когда Кирилл узнает о Матвее, что считала его самой страшной точкой нашей истории. Теперь понимаю: узнать оказалось легко. Хватило одной неосторожной фразы. Самое трудное начинается сейчас, потому что мне придется рассказать не только о сыне, но и о женщине, которая однажды решила, что молчание безопаснее правды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.